

С Мечтой
О НОВОМ ИСКУССТВЕ

Человек еще долго будет идти по пути эволюции, пока поймет, что искусство, истинное искусство, всегда проявляется в красоте, в чистой гармонии, в том, что озаряет душу и возносит ее к небу. Искусство всегда пробуждает самое лучшее в нас и заставляет звучать в унисон с природой. Все, что нарушает гармонию, разжигает низменные страсти, насилие или отчаяние, причиной которого является неведение, – не может называться искусством. Это всего-лишь ремесло, дело рук людей земных, посредственных, далеких от божественного Искусства.

Хорхе Анхель Ливрага «Анкор-ученик»

Шри Рам

КРАСОТА И ИСКУССТВО

Красоте нельзя дать определения, поскольку она является выражением божественного, наполняющего Жизнь. Безобразное появляется, когда проявлению жизни мешает дефект формы, через которую она действует. Жизнь всегда стремится интегрировать доступные элементы в некоторую гармоничную форму. Когда эта интеграция завершена – красота существует. В целом выражается нечто, чего нет в частях. У Жизни всегда есть смысл, она переполнена «идеями» (за неимением лучшего термина), хорошо или слабо выраженными. Эволюционный процесс в целом является процессом манифестации, или разворачивания, этих идей. В ожидании своего воплощения они существуют латентно, непроявленно. Они проявляются по мере эволюции форм и материала. Это – искусство Природы.

Каждая идея, сущность каждой интеграции, есть нечто неопределимое, как квадратура круга; ее можно анализировать, она может быть объектом вычисления, но ее невозможно выразить посредством конечных, измеримых величин.

Красота, Добро и Истина – равносторонний треугольник Добродетели, он же Правильная Энергия. Они неотделимы друг от друга, как христианская Троица, и являются аспектами одной и той же Реальности. Истина по своей внутренней природе есть Вечность, отраженная во времени, она – идеи Божественного Разума; Добро связано со всеми остальными формами и выражениями, которые все больше и больше разворачиваются в действии, как раскрывающийся цветок, – это прогрессия, у которой нет предела или конца; Истина – это внутренний, субъективный аспект Реальности, а Красота – объективный; Добро – это движение, которому присуще совершенное равновесие между субъектом и объектом.

Красота присутствует там, где есть проявление хотя бы частички Божественного Разума, будь то в Природе или в искусстве; она – воплощение луча Божественной Природы. Эта природа присутствует также в сознании человека, который является индивидуальным фокусом универсальной Жизни. Поэтому каждая истинная и глубокая идея взывает

к разумности человека, к его дару познания, и принимается им, когда его уровень эволюции достаточен для ее принятия. Идея может воздействовать на него даже тогда, когда он еще не в состоянии реализовать ее.

Я сказал «дар познания». Это не есть логический ум, который рассуждает шаг за шагом. Это такой аспект познания, который сразу в целом воспринимает различные аспекты или части предмета и непосредственно, без какого-либо размышления, улавливает истину о нем, подобно тому как последовательность звуков или аккорд воспринимаются нами как музыка без всякой ментальной проверки.

Все великие идеи и самые важные открытия возникали в человеческом разуме подобно вспышке.

Призыв Красоты адресован тому, что в теософских книгах именуется Буддхи, или Духовной Интуицией человека. Нам немного известно о ее природе. Когда затрагивается эта Интуиция, появляется ощущение чистого счастья, единения, внутренняя природа человека все более согласуется с его исконной природой, чувство индивидуальности поднимается на более высокий уровень, и человек делает шаг навстречу собственной уникальности, что порождает уверенность в действиях, и каждое его суждение опирается на все большее внутреннее понимание.

Могут существовать истинно прекрасные предметы, не затрагивающие этот дар в человеке. Значит, эту способность необходимо развивать, она должна вступить в контакт с физическим миром (или низшими мирами), которые существуют отдельно от нее. До тех пор, пока не приобретен подобный опыт и интуиция не пробуждена, истина не может быть познана.

Примитивный человек, будучи слабо развитым, может провозгласить нечто грубое, кричащее объектом наслаждения. Но по мере эволюционирования наше восприятие утончается, и мы становимся способными выделить то, что представляет истинную ценность в искусстве, среди других вещей, не имеющих такой ценности.

В искусстве не может быть авторитета, поскольку оценка должна прийти изнутри и спонтанно. Авторитет, признанный людьми, может оказаться фальшивым авторитетом. Фраза «республика искусства» указывает на истину, согласно которой искусство должно быть свободно от принуждения. И еще, хотя и не может быть определения для правильного, ощущение правильного постепенно растет. Всегда выживет только то, что обращается к самому глубокому, что есть в человеке, к тому, что обладает возможностью наиболее прекрасного и всестороннего синтеза. Другие вкусы, другие идеи отступают и исчезают.

Искусство не всегда является синонимом Красоты, потому что искусство может быть пустым и поверхностным; оно может быть делом техники. Искусство не может быть только средством, ибо средство всегда соотносится с целью. Красота не присутствует в так называемых произведениях искусства, которые оказывают лишь психологический эффект, далекий от подлинной красоты. Они могут быть просто особым видом ухищрений, относящихся к нисходящей дуге жизненного цикла, в момент ее дифференциации и материализации.

То искусство является наиболее прекрасным, наиболее эффективным, в котором форма подчинена жизни, где используется минимум материала с максимальным эффектом, в котором каждая деталь направлена на раскрытие или выражение вечной идеи.

Такую рациональную направленность можно увидеть в объектах природы, в листе, в птице, в рыбе, во множестве других органических форм. Жизнь создает инструменты, необходимые для завоевания элемента, в который она входит. Чем больше она может войти в этот элемент или среду, тем больше сила ее самовыражения, которая представляет собой силу самораскрытия ее природы в действии, – это и есть Красота. Поэтому Красота и Пригодность, Способность и Полезность всегда идут рука об руку и вместе развиваются. В ходе эволюции эта комбинация будет становиться все более очевидной.

Красота означает высвобождение Жизни. Все проявления должны иметь некоторую форму. Но форма есть ограничением. Последовательность звуков, предназначенная для произведения особенного эффекта, должна исключать любой другой звук. Ограничение – это поводья жизни внутри формы. Но когда форма становится прекрасной, она позволяет жизни проявить ее природу; тогда ее назначение исполнено. Только в достижении совершенной красоты в мысли и действии состоит истинное осуществление, истинная самореализация.

Чувство прекрасного состоит в восприятии взаимосвязей в пространстве, во времени или в них обоих. Оно не заключается в материале или в вещи самой по себе, хотя мы связываем ее с вещью. Тот, кто более чувствителен к взаимосвязи – чувствительный художник – может ясно видеть ее отдельно от среды, в которой она отражается. Она становится для него абстракцией и живой «идеей» в одно и то же время.

Эта идея ощущается прекрасной, поскольку она воплощает закон гармонии, который есть в человеке. Сущность красоты заключается в ее соответствии законам. Единое становится многим. Но многое движется вперед во времени и в разных направлениях или вдоль различных ради-

усов пространства из одного общего центра. Отсюда бесконечные различия. Однако существует связь между единством и множественностью, которая является Законом внутри абстрактного, законами Природы или Бога. Эти законы являются обобщениями, которые связывают воедино разрозненные факты и явления и являются основой порядка. Когда нас затрагивает этот закон или некоторые из законов, наличествующие в прекрасной вещи, мы говорим, что она – прекрасна.

Наше сознание может быть затронуто этими законами, поскольку по своей природе оно поддается подобному воздействию.

Те законы, которые являются законами вселенной, являются также законами нашего бытия, так как человек по своей природе является отражением Бога – источника жизни, наполняющей вселенную.

Все искусства должны воплощать одни и те же законы, если они прекрасны. Отсюда – единство искусств. Принципы, посредством которых они взывают к нашему разуму, должны быть одинаковыми. Одно и то же сознание затрагивается различными искусствами и различными способами. Способ, которым оно затрагивается, указывает на их единство.

Сознание – настолько пластичная вещь, что оно может быть быстро и легко изменено, поэтому мы не всегда видим, оцениваем или судим о вещах с помощью чистого необусловленного сознания. Но сознание содержит внутри себя и божественные качества, способность откликаться на прекрасное. Именно там находится истинный и неподкупный судья, который может сказать, является или не является нечто истинно прекрасным, находится ли оно в согласии с Божественными Законами. Искусство взывает к интуиции человека, которая судит совершенно, но не терпит диктата.

Искусство без красоты есть просто претенциозность. Искусство – это не вопрос произведения эффекта, оно не есть искусственность.

Чем больше круг знания и понимания человека, тем больше отдельных точек он способен различать. По мере расширения он все лучше и яснее различает отдельные идеи, присутствующие в небесах Божественной мысли, бесконечной сферы природного Разума. Чем яснее воспринимается звезда-«идея» на ночном небе, тем легче и точнее ее отразить на плане форм и материализаций. Каждое подобное воплощение Божественной или вечной идеи есть творение шедевра, через которое она себя раскрывает. Таким образом, искусство – это прорастание идей из неба, на первый взгляд пустого, но, тем не менее, наполненного светом, в формы, которые ограничивают идею ради того, чтобы она воплотилась.

Делия Стейнберг Гусман

ИСКУССТВО И ХУДОЖНИК

Между понятиями «искусство» и «художник» для нас существует такая же связь, что и между понятиями «идеал» и «идеалист», «правосудие» и «юрист», «наука» и «ученый» и т. п. Идеал является таковым благодаря идеалистам и вопреки им и продолжает оставаться идеалом, даже если нет людей, которые могли бы жить им и осуществлять его. Подлинники идеалисты помогают ему обретать силу, слабые принижают его, но идеал есть неизменный архетип, который всегда является целью для тех, кто способен преодолеть собственную темноту и невежество окружающего мира.

Искусство – выражение красоты и отражение прекрасного – уже само по себе есть реальность, хотя ни один художник в мире не смог бы уловить эту реальность и выразить в форме.

Художник – это тот, кто способен достичь высот искусства, не называя искусством любую деятельность, всякое созидание. Искусство с давних пор является предметом разнообразных толкований, которые оказываются тем более субъективными, чем более объективными пытаются быть интерпретаторы. Большая часть авторов определяют искусство с помощью двух характеристик: творчество и беспристрастие. Под творчеством они понимают способность создавать новые вещи, а под беспристрастием – «искусство для искусства», свободное от любых интересов и связей. Но разве можно говорить о создании чего-то совершенно нового? И разве можно представить себе искусство абсолютно свободное, не имеющее ни причин, ни следствий?

Это приводит нас к новому вопросу: каково предназначение искусства? И вновь мы встречаемся с различными вариантами ответа, которые по-прежнему не могут нас удовлетворить: искусство – это подражание (миметизм), форма восприятия или выражения, воспоминание, формула морального совершенства... А вокруг этого строятся новые предположения, все более и более спорные.

По нашему мнению, хаос в идеях, который царит сейчас, связан с превратным пониманием принципов, средств и целей искусства. Он рож-

дается из потребности – которая уже превращается в навязчивую идею – удовлетворить всех, не признавая ничью правоту, не воспринимать то, что было в прошлом, и не думать о том, что произойдет в будущем, из потребности существовать только в настоящем, которое должно быть динамичным и интересным, но при этом необязательно опирается на опыт и пережитое, на более глубокое знание.

Все то, что художник хочет выразить, философ хочет объяснить, даже рискуя найти не истину, а лишь ее тень. Но не всякое выражение или объяснение может называться Искусством или Философией.

Искусство

Попробуем развить некоторые из предположений, касающихся искусства.

Искусство – это творчество, но не в привычном для нас значении этого слова, а в аспекте интуиции-воображения: человек воспринимает Архетипы, подлинные Идеи, и воспроизводит предметы и явления жизни с помощью систем гармонии Вселенной.

Искусство – это подражание, имитация либо живой природы, либо тех Идей, которые не проявляются в нашем мире, но могут быть восприняты интуицией. Это подражание отнюдь не умаляет ценности искусства, но, напротив, увеличивает ее, и увеличивает настолько, насколько оно приближается к имитируемым Архетипам. Через подражание происходит обретение определенного опыта Действительности.

Искусство – это воспоминание, ибо душа, согласно Платону, хранит память о своем божественном происхождении. Воспоминания эти, хотя и нечеткие и неопределенные, все же достаточно сильны, чтобы давать импульс лучшей части нас самих, наших представлений и действий.

Искусство – это выражение, но оно не может быть выражением какого-то беспорядочного ощущения, импульса, чувства; оно не может быть путем бегства от жизни, способом выплескивания душевных состояний мнимого художника. Скорее, оно должно выражать лучшее в человеке и лучшее, что человек может найти во Вселенной, частью которой он является. Ощущения, чувства, идеи, интуиции должны быть утонченными и сознательными, чтобы стать ступенями, по которым с каждым шагом можно все выше подниматься к пониманию великих таинств души и мира. Дисгармония, бессодержательность, отвращение и ужас не являются Архетипами, это результаты отсутствия Архетипов, и те формы, в которых они выражаются, нельзя назвать искусством, а их создателя – художником.

Искусство – это катарсис; авторы, подобные Гегелю, не любят определять конечную цель искусства как моральное совершенство, однако это совершенство можно было бы определить как неотъемлемое и естественное свойство искусства. Еще древние греки видели здесь неисчерпаемый источник очищения, подлинную причину соприкосновения человека и архетипальных Идей. Это соприкосновение освобождает душу от шлаков и дарит вечную молодость, оно усиливает воображение и поддерживает его, делая постоянно бодрствующим, постоянно активным, постоянно ищущим чего-то более высокого.

Искусство – это развитие, если оно не довольствуется копированием повседневного, но стремится к созвучию с универсальными законами. В противоположность тем, кто вместе с Гегелем приписывает авторство творения художнику, а не природе, мы выделяем основополагающее наставление из «Голоса Безмолвия», сборника древних тибетских текстов, составленного Е. П. Блаватской в XIX веке:

«Помогай природе и работай заодно с ней, и тогда природа признает в тебе одного из своих творцов и станет покорна тебе. И откроет перед тобой широко вход в свои сокровенные недра... Она раскрывает свои сокровища только духовным очам, никогда не смыкающимся...»

Художник

Что касается художника, давайте сначала укажем некоторые его характеристики, но не будем останавливаться на догматических определениях, которые ограничивают творческую натуру. Художник – это тот, кто рождает на свет произведение искусства при посредстве своего воображения. Для этого необходимы:

- активный ум, способный улавливать и воспроизводить идеи, трансформировать их в эстетические образы;
- дисциплинированное и творческое воображение, совершенно свободное от путаницы, вносимой фантазией, но, напротив, связанное с интуицией;
- вдохновение, или интуиция, способность воображения.

Много говорят о том, что вдохновение приходит извне, но мало – о том, что его вызывает. Но вдохновение – это связь с миром Идей, которого способно достичь именно сильное и деятельное воображение человека.

Талант и гений – понятия не абсолютно тождественны, но они необходимы друг другу и друг друга дополняют. Талант имеет отношение к личной способности выражения и творческой работе. Гений имеет отно-

шение к вдохновению. «Талант без гения – не более чем сноровка».

Художник должен быть подлинным священнослужителем, толкователем природы, чутким посредником между совершенным Идеалом и людьми. Его предназначение в том, чтобы пробуждать душу зрителей, а не только вызывать их восхищение.

Эстетика и этика

Выделяя способность искусства и художника к преобразованию, мы начинаем иначе оценивать и другой аспект вопроса, внутренне с ней связанный: это эстетика в сопоставлении с этикой.

Мы сказали, что искусство выполняет очистительную функцию, функцию моральной трансформации: здесь эстетика порождает этику – в то время как этика углубляет и оживляет понятие Красоты.

Этические представления неотделимы от эстетических, когда искусство истинно и заключает в себе подлинное послание. Речь не идет об этике поверхностной и преходящей, как мода, или затрагивающей тот или иной народ; это совокупность неизменных ценностей, которые трогают душу всех людей во все времена.

Все, чем является художник, каким-то образом отражается в его творении. Ведь хотя интуиция действует как посредник и черпает непосредственно из источника вдохновения, «человеческая» личность творца будет отчасти влиять на формы, в которых его интуиция выражается. Если характер художника груб, его искусство – если его можно так назвать – тоже будет грубым и топорным, хотя люди той же эпохи, проникнутые теми же идеями, могут этого не замечать. Здесь заложен секрет метафизического, воплощенного в физическом: этика и эстетика отражаются в искусстве при посредничестве художника.

С этими идеями созвучны размышления тех, кто посвятил искусству прекрасные слова, которые, не исчерпывая темы, подтверждают то, что мы хотели подчеркнуть.

«Искусство отражает реальное и вечное, а не временное и иллюзорное» (Джинарадхадаса).

«Искусство – это душа, отделенная от факта» (Карлайл).

Искусство, как уже говорилось, не ограничивается сознанием, которое знает факты, но требует интуитивного действия, чтобы достичь «души фактов». Следовательно, искусство через любую из своих областей приводит нас к вечной сути вещей.

Об этом говорил Шиллер: искусство – это *«то, что возвращает человека к его утерянному достоянию»*. Это *«самый сильный импульс челове-*

ческой жизни» – так сказал Вагнер, который мечтал о Всеобщем искусстве, объединяющем и магию, и науку и служащем для трансформации и возрождения человека; Вагнер, который с интуитивной силой и колоссальным вдохновением создавал свое «Credo», возведя искусство в ранг религии, метафизической этики и эстетики. Его словами мы и завершим эту статью.

«Верую в Бога-Отца, в Моцарта и Бетховена, в их учеников и апостолов. Верую в Святого Духа и правду Искусства, единого и неделимого. Верую, что Искусство проистекает от Бога и живет в сердцах всех людей, освещенных Небом. Верую, что тот, кто однажды отведал его возвышенной сладости, обратится к нему и впредь никогда ему не изменит. Верую, что все могут достичь счастья посредством него. Верую, что на Страшном суде будут преданы позору все те, кто на этой земле имел наглость торговать этим благородным искусством и запятнать его низостью сердца и грубою чувственностью. Верую, что верные ученики его пребудут во славе в божественной сущности, лучистой, сияющей блеском всех солнц, среди прекраснейших благоуханий и созвучий, и что они соединятся навеки в божественном источнике всей гармонии. Дай мне Бог быть удостоенным этой благодати! Аминь!»

Делия Стейнберг Гусман

ИНИЦИАТИЧЕСКИЙ ТЕАТР

Рождение театра произошло в тот момент, когда человек стал задумываться о причинах собственного существования, о важности своих взаимоотношений с другими людьми и с Природой, о загадках времени и обо всем, что с ним происходит. С древних времен перед человеком вставало множество вопросов, на которые он не находил ответа. Театр родился вследствие необходимости воссоздать, повторить некоторые события и ситуации, уже произошедшие в реальной жизни, для того чтобы вновь попытаться найти в них глубокий смысл.

Платон говорил, что любое искусство является отражением одной небесной, архетипальной Идеи. Каждое произведение искусства, которое мы создаем в мире материи, является попыткой уловить эту изначальную

Идею, Архетип, воплотить ее в конкретной форме. Иногда нам удается приблизиться к ней, увидеть ясно и воспроизвести предельно четко. Часто Архетип остается далеким и недоступным, кажется расплывчатым и искаженным. Но если вернуться к искусству, в данном случае к театру, самой главной всегда является Идея, отражающая его суть и смысл его существования, и вытекающий из нее вопрос: в чем состоит Архетип театра, какой принцип гармонии отражается в этом творчестве? Ответ прост: театр, как и любой вид искусства, отражает законы и гармонию самой жизни.

Театр всегда пребывает в поисках глубокого смысла и законов, управляющих человеческой жизнью, пытается восстановить давно утраченные связи между земным и Небесным, человеческим и Божественным. Наряду с самыми разнообразными проблемами жизни в нем всегда присутствуют элементы возвышенного: Бог и боги, герои, Судьба. Такой подход изначально предполагает наличие гармонии, и театр призван восстановить ее. Многие писатели, историки, философы обращали наше внимание на то, что люди древности, те, кто участвовали в первых театральных представлениях, были гораздо ближе к богам, чем мы с вами. Некоторые авторы говорят, что они могли воспринимать, почитать богов и жить ими именно благодаря своей утонченности, пронизательности, одаренности и чистоте. Другие утверждают, что эта близость к богам была, наоборот, лишь следствием слепой веры, неведения и страха. Кто из них прав, в данном случае не так важно. Важно то, что древние народы ощущали столь сильную близость к богам, что это чувство позволяло людям жить практически в постоянном контакте с ними. Поэтому нас не должно удивлять то, что в первых театральных представлениях – если их можно так называть, ведь тогда не было ни театров, ни сцен, ни декораций, ни освещения, – все было связано с магическим миром богов. Первые театральные представления были религиозными в самом глубоком смысле этого слова, так как связывали человека с высшей реальностью, с реальностью Божественного. В древности не было ни одного народа, который не имел бы этих исконных божественных Мистерий, этих первых священных таинств, принимавших форму театра, которые являлись попыткой воспроизвести на земле то, что когда-то давно происходило на Небе.

Как действовали боги, какую роль они играли в великой драме сотворения Вселенной и каким образом мы, люди, можем воспроизвести это, да еще в магической форме? На чем основывался древний театр, если для представлений он не нуждался ни в какой сцене и ни в каких декорациях кроме тех, которые давала сама Природа? Он основывался на воспроиз-

ведении действий, на магии действия. В каком-то смысле магия присутствует во всем, что нас окружает, и во всем, что мы делаем: в фигурах, порождаемых нашими мыслями, в образе Божества, нарисованном нами исходя из своих, человеческих мерок, в знаках имени, которое мы пишем, и в звуках произносимого вслух. Магия возникает и когда мы читаем, так как благодаря буквам, написанным или напечатанным на бумаге, в нашем уме рождаются интересные и красивые образы. Существует много форм магии, но из них люди древности отдавали предпочтение магии действия. Рисовать, читать, писать – это одно; играть – это нечто совсем другое. Воспроизводя определенное движение, актер пробуждал загадочные исконные магические силы самой Вселенной, сотворение которой также начиналось с одного первоначального движения, родившегося внутри единого великого Абсолюта. Когда к этим движениям, воспроизводимым актерами древности, добавлялась магия слова, магия звука с присущей ей силой призывания Божественного, то получались первые театральные представления, не имевшие иной сцены и иных декораций, кроме леса, луга, неба.

В театральных представлениях древних народов для разыгрывания действий использовались разные формы, в основном песнопения, к которым добавлялись танцы и игра на музыкальных инструментах. В течение многих эпох всякий раз, когда человек испытывал потребность магическим способом войти в контакт с тем Высшим, Небесным миром, присутствие которого он чувствовал, но не мог объяснить, он делал это с помощью песнопений, сопровождая их движениями и жестами. К песнопениям добавлялся танец, а к танцу – звучание музыкального инструмента. Священные танцы занимали важное место в жизни человека. Ими сопровождалась все значительные события. Когда человек рождался, вокруг него танцевали; когда он достигал нужного возраста, чтобы участвовать в жизни общины, это событие также сопровождали танцами. Танцами праздновались бракосочетания, а когда человек умирал, его душу танцем сопровождали в мир иной.

Все важные изменения и вехи в человеческой жизни отмечались тем, что сегодня мы называем танцем; но в те далекие времена танец нес в себе гораздо более глубокое содержание и смысл. Им сопровождалась священные действия, через него проявлялись глубокие законы Природы, управляющие также человеческим телом и его движениями. Древние жрецы с помощью танца вступали в контакт с богами. Можно даже сказать, что жрецы были первыми, самыми древними актерами в мире. Каждый раз, когда они вызывали образы богов, прося у них защиты, по-

кровительства и благословения, каждый раз, когда они призывали немного больше света, чтобы в темноте можно было выбрать путь, по которому идти в жизни, они творили театральное действо. Это был не простой театр, а театр инициатический – он открывал таинственные двери, невидимые для обыкновенных глаз. Благодаря своей мудрости и глубокому знанию законов Природы, жрецы, переходя порог этих дверей, вступали в контакт с теми божественными персонажами, роли которых играли в театральном представлении.

Хотя зарождение театра в истории человечества, как правило, связывается с греческой цивилизацией, можно смело утверждать, что не было народа, который не имел бы своей театральной традиции, идущей из глубины веков, и везде мы наблюдаем один и тот же процесс, одни и те же этапы развития этой традиции. Вначале был театр без сцены и без стен, очень простой, естественный, магический и инициатический – в том смысле, что он давал возможность вступить в контакт с загадочными законами Природы, которые человек всегда воспринимал как часть великого Таинства существования. Во всех культурах происходила постепенная трансформация жрецов в актеров, изображающих ситуации не только божественного плана, но также и плана человеческого. От персонажей, танцев, песнопений, слов, речитативов, мимики и жестов исключительно религиозного характера происходит переход к представлениям, в которых переплетаются между собой темы, имеющие отношение и к героям, и к людям; и так из древнейшего инициатического театра рождается театр, по своему содержанию стоящий гораздо ближе к человеку и его проблемам, но несмотря на это не утративший своей изначальной функции связи с божественным миром.

В Японии испокон веков существовал религиозный театр. Согласно легендам, он появился, когда богиня солнца, поссорившись со своим братом, могущественным богом войны, бежала ото всех и спряталась в пещере, оставив человечество погруженным в глубокую тьму. Увидев это, перед пещерой собираются все боги Природы, пытаясь вернуть ее расположение. В театральной форме, с помощью песнопений, танцев и музыки, они пытаются показать богине, что нет никого красивее и лучше ее. Не выдержав, богиня выходит из пещеры посмотреть представление своих божественных братьев, и людям, живущим во мраке, вновь возвращается свет солнца. С тех пор люди пытались подражать богам – ведь если боги играют роли, поют и танцуют, чтобы разбудить душу всего сущего и привести в движение определенные могущественные принципы и силы Природы, то почему бы и людям не делать того же? Так рождается

в Японии религиозный театр. Его представления проходили в храмах, а иногда в атриумах (портиках) или под открытым небом, в зависимости от того, насколько глубоким было их содержание и какую часть священных Мистерий они отражали. Эти представления всегда носили церемониальный характер и были очень торжественными. Текст в них произносился медленно, но внятно и таким образом, чтобы вибрации каждого слова и каждого звука вступали в резонанс; символические позиции тела и жесты точно соответствовали канону; шаги и движения были замедленными и величественными. Так постепенно, играя в древнем театре, люди осмеливались говорить с богами.

Другая история рассказывает, что в Индии театр родился благодаря богу Брахме, который, имея четыре лица, обладал способностью смотреть одновременно в четырех направлениях (поэтому также говорится, что четыре Веды связаны с четырьмя лицами Брахмы). Брахма сыграл главную роль в величайшем мистическом театральном представлении, рассказывающем о сотворении бесконечной Вселенной. В свою роль он вложил всю душу и всю силу, и в результате этого представления родился наш мир. Брахма долго хранил свою тайну, но потом рассказал о ней единственному человеку – мудрому старцу по имени Бхарата. Вдохновленный этим, Бхарата начинает разрабатывать и развивать различные театральные стили, пытаясь воспроизвести те Мистерии и таинственные знания, которые были ему переданы. С тех пор в Индии существовали религиозные театральные представления, рассказывающие о сотворении мира и об определенных божественных персонажах, которые были напрямую связаны с человеком и его судьбой.

В Тибете всегда существовал таинственный священный театр, также связанный с богами. В нем не использовались декорации: главным было не создавать для зрителей ту или иную внешнюю иллюзию, а, наоборот, пробуждать в них внутренние образы, идеи, вспышки интуиции. Поэтому основной акцент делался на движениях актера, на его словах и на том, чтобы во время представления каждый зритель мог почувствовать что-то в своей душе.

Нельзя не упомянуть о Греции, об истоках того, что сегодня мы называем театром, о его сокровенной сути и глубоком смысле. Греческий театр начинался не с представлений в изумительно построенных зданиях, а со священных танцев, сопровождавшихся звуками магических музыкальных инструментов. Согласно легенде, когда новорожденного Зевса нужно было уберечь от гнева его отца Крона, пожиравшего своих детей, вокруг ребенка, спрятанного на острове Крит, местные жители исполня-

ли живой, радостный танец, сопровождая его звуками трещоток и других громких инструментов, чтобы заглушить плач мальчика. Танец критян был особым видом театра. Когда в великих храмах оракулов верховный жрец предсказывал судьбу или передавал волю богов, он не делал это произвольно, никогда не отвечал на вопрос сразу. Для того чтобы ответить, ему нужно было создать особую атмосферу с целым рядом театральных и декоративных элементов, чтобы тот, для кого предназначался ответ, хотя бы на мгновение мог ощутить себя на Небе, а не на земле. Поэтому в храме всегда курился ладан; свое слово жрец произносил медленно, глубоко, но чистым драматическим голосом.

Испокон веков жрецы Греции держали в глубокой тайне все, что касалось магических религиозных представлений, и всегда внимательно следили за тем, чтобы это искусство не было доступно непосвященным, а передавалось от одного поколения жрецов к другому. Поэтому все связанное с инициатическими Мистериями тщательно скрывалось и охранялось. Только в особых случаях и в честь особых праздников к этим религиозным магическим представлениям допускались простые люди.

Общепринято мнение, что трагедия родилась в Греции. Как объяснял Аристотель, который, один из немногих, собрал много материалов на эту тему, слово «трагедия» происходит от двух греческих слов – «ода, песнопение» и «козел». Первым исполнителям песнопений, певцам хоров, тем, кто впервые участвовал в Олимпийских состязаниях, всегда в знак благодарности дарили козла как символ Диониса – божества, которому люди посвящали плоды своей души, великого бога жизни, энтузиазма, плодородия и вечного возобновления.

На самом же деле корни трагедии уходят гораздо глубже. За тысячу лет до того, как Эсхил писал свои произведения, в Египте уже существовали театральные представления. В них рассказывалось о трагедии Осириса, растерзанного на куски собственным братом, о трагедии Исиды, в отчаянии разыскивающей останки своего супруга по всему Египту, чтобы вновь соединить их и вернуть ему жизнь. Эти таинственные религиозные представления – Мистерии – происходили за закрытыми дверями храмов, в них участвовали только жрецы. Лишь раз в год двери храма открывались и в представлениях участвовал весь народ, сострадая Осирису, умирающему в муках и воскресающему к вечной жизни, и Исиде, оплакивающей своего супруга.

Недавние исследования ученых, занимающихся переводом текстов папирусов, показали, что за тысячу лет до того, как в Греции появился театр, в Египте уже существовало настоящее театральное произведение

из трех действий, которое рассказывало о боге Горе, отыскивающем и побеждающем убийцу своего отца. В нем были предусмотрены даже перерывы, которые заполнялись танцами.

Но как бы то ни было, именно греческой трагедии мы благодарны за то, что она столь ярко выражала в своих произведениях глубокий смысл, который вкладывали в театр люди всех народов и всех времен. Театральное произведение всегда начиналось песнопениями и танцами вокруг алтаря Диониса – бога, который меньше, чем все остальные божества, поддавался объяснениям и описаниям, которого труднее всего было изобразить в какой-либо форме. Диониса называли богом энтузиазма. При анализе этого понятия мы получаем en-theos – бога в нас самих, бога, входящего в душу всех ищущих. Поэтому сила Диониса проявлялась в том, что он мог вызвать у человека особое состояние души, благодаря которому тот чувствовал бога в себе не потому, что увидел его, услышал его голос и его имя или мысленно призвал его образ. Человек чувствовал бога в себе, потому что жил им всем своим существом, потому что ощущал себя наполненным его силой, вдохновленным его присутствием, окрыленным и вознесенным к Небу его благословением.

Дионис проникал в душу человека благодаря песнопениям, танцам, ритмам, звучанию инструментов и слов, и люди полностью покорялись магической силе его обаяния. В этом и состояло основное достоинство трагедии: предоставить возможность, хотя бы на мгновение, жить совершенно по-другому, вступить в контакт с Божественным внутри себя и вокруг себя, почувствовать себя богом. Поэтому такой театр назывался инициатическим – он учил людей прикасаться к божественным принципам.

Во многих книгах мы можем найти пространные описания тех удивительных, особых дней, когда граждане Афин собирались в театре. Приходили не только афиняне. Люди совершали целые путешествия со всех концов Греции, из всех ее городов, чтобы участвовать в театральных представлениях.

В те времена театр представлял собой несколько иное зрелище, чем то, к которому мы привыкли. Сегодня существует много театров и огромное количество разнообразных театральных произведений, постоянно повторяющихся в репертуаре. Мы можем выбирать, в какой театр пойти, какое произведение смотреть, какому актеру выразить свою любовь и уважение. В Афинах, где родилась трагедия, театральное представление было событием уникальным. Эти представления являлись священными праздниками, которые проходили в конце января – начале февраля и в

конце марта – начале апреля. Они всегда посвящались Дионису, принципу возобновления жизни и мистического ощущения Божественного присутствия. Это были периоды великого возрождения; люди посещали театр под воздействием сильного импульса, охватывавшего всех, как бывает всегда, когда рождается нечто поистине великое. Развивавшееся действие очаровывало, околдовывало зрителей. Когда уже были созданы первые сцены и первые прекрасные здания для представлений, греки посещали театр не для того, чтобы в очередной раз посмотреть, как создается мир, как спасают Зевса от гнева его отца или как продвигается священное шествие из Элевсина. Для них важнее всего было то, что они являлись не зрителями, не наблюдателями, а участниками всего происходившего, и в этом выражалось особое мистическое чувство их причастности к Божественному. Речь шла не о том, чтобы посредством театрального представления познакомиться с еще одним новым сюжетом, а о том, чтобы, принимая участие в нем, проживать вместе с персонажами все события, понимая, что все во Вселенной и в человеческой жизни происходит согласно закону цикличности. Раз в год повторялось одно и то же театральное произведение, одни и те же действия персонажей, и это давало человеку возможность приобщиться к тому, что всегда циклично повторяется в самой Природе, к великим героям, великим сущностям, великим богам.

Когда говорят о греческом театре, всегда упоминают три больших жанра: трагедию, драму и комедию. Трагедия ближе всего к тому, что мы называем инициатическим театром. В ней Судьба и боги полностью управляют событиями в мире людей. Люди кажутся куклами, влекомыми собственной слепотой и неведением, дошедшими из-за этого до самого дна пропасти, из которой не могут выбраться. Словно вихрь, их носит в разные стороны страшная сила – сила трагедии и сила Рока, а воля богов всегда берет верх над волей людей.

В драме ситуация немного смягчается: воля богов и воля людей иногда совпадают, а иногда боги и люди находят компромиссные решения, идя друг другу навстречу. Люди в драме кажутся более уверенными в себе, более готовыми стать хозяевами собственной судьбы, и им всегда предоставляется возможность искупить свои ошибки, возможность вновь и вновь пытаться, прилагать усилия и преодолевать преграды судьбы. Люди в драме страдают, но они уже не слепы.

Комедия всегда показывала жизнь как интересную и смешную игру. Люди в ней смеются, шутят друг с другом. Боги также подшучивают над людьми, но с любовью и пониманием, словно заботливые родители,

которые с умилением наблюдают, как сражаются их чада в стремлении достичь того, что им дорого, и как неуклюжи бывают их действия и попытки. Судьба обходится с людьми более мягко, она не так строга и немолима – сами люди нечасто дают ей повод гневаться, не нарушая в главном основных законов Природы. Люди в комедии словно дети, утратившие контакт с Мистериями, с Инициацией; на самом деле они не живут, а играют в жизнь. Люди смеются, а потому смеются и боги.

Самое главное в инициатическом театре то, что через все жанры – на глубоком уровне трагедии или на более легком и простом уровне комедии – он передавал определенное учение, подталкивая человека к пробуждению внутренних потенциалов и состояний души, открывая новые дали. Самыми глубокими и самыми закрытыми были Мистерии, истинный инициатический театр, в котором только жрецы полностью понимали, о чем говорилось и что происходило, и знали, каким образом и когда нужно говорить и действовать.

Вторая функция театра состояла в побуждении к размышлению и к очищению, так как все, что происходило на сцене, происходило также и в человеческой душе. Именно это заставляло зрителя задуматься. В своей жизни он проходил через страдания, но благодаря театру у него появлялся иной взгляд на них. Человек получал возможность внутреннего очищения, катарсиса, так как те попытки, решения и выходы из ситуаций, которые предлагались в театральном произведении, соответствовали шагам, в которых нуждался он сам. То же самое относится к финалу спектакля (если вообще можно сравнивать финал в жизни и в театре). Суть финала в театре состояла именно в том, чтобы человек попытался понять и применить этот принцип в своей жизни, зная, что каждое начинание и каждая ситуация имеют свое разрешение. Каким оно будет, зависит не только от богов и Судьбы, но также и от самого человека.

Рассматривая более простые, популярные и доступные людям театральные представления, можно сказать, что они также сыграли очень важную роль. Они являлись прекрасным способом в форме, близкой для души и доступной для понимания, указать людям на существование иной реальности, на которую, не будь этой формы, человек так и не обратил бы внимания. Они показывали, что за занавесом происходит много такого, что не всегда замечается в реальной жизни. Они давали понять, что после того, как опускается занавес, для зрителя настоящая работа только начинается. Ведь если человек не сможет открыть глаза, чтобы замечать в жизни то, что показывалось в театре, ему будет очень трудно уловить другие, незримые для глаз, более высокие духовные истины.

Кто является главным в инициатическом театре – автор, актер, зритель? Может ли любой человек написать произведение для театра?

Очевидно, что существует огромная разница между авторами эпохи классической греческой трагедии и теми, кто сегодня, зачастую не будучи профессионалами, берутся создавать пьесы (хотя всегда есть прекрасные исключения из правила).

Биографы Эсхила рассказывают, что писал он только тогда, когда был вдохновлен импульсом и силой Диониса; часто то, что изливалось из его души, пугало его, заставляя врасплох. Эсхил был настолько погружен в Мистерию, в получаемые через них познания и мудрость, что загадочной и таинственной была не только его жизнь, но и смерть. Казалось, что в коллегиях жрецов все желали, чтобы он замолчал, перестал писать о сокровенном. Столь сильным было его вдохновение и его способность проникать в глубокие таинства существования, что он открывал величайшие сокровенные истины, рассказывать о которых в рамках театрального действия, не искажая и не профанируя их, многие считали невозможным. В любом случае, большинство публики было не готово воспринять то глубокое содержание, которое передавалось таким способом.

Главным для автора является руководящий им принцип – вдохновение. Без вдохновения, без контакта с высшей Идеей, или Архетипом, невозможно создать не только театральное произведение, но и любое произведение искусства.

В греческом театре зрители не были простыми наблюдателями, сидящими на каменных трибунах. В эпоху, когда зарождались великие театральные представления, люди начинали смотреть пьесу на восходе солнца и заканчивали на закате (с небольшими перерывами). Но все это время зрители лишь формально оставались на своих местах – на самом деле они были на сцене, жили жизнью персонажей. Как говорил Аристотель, публику переносили в иной мир великие чувства страха и сострадания. Речь идет не об обычном ощущении страха. Это особое состояние рождалось, когда зритель проникался судьбой персонажа. Он боялся за него и одновременно за себя. Он страшился тех последствий, которые могут возникнуть, когда из-за собственного неведения, по собственной глупости человек нарушает неумолимые законы природы. Человек боялся реакции Судьбы на нарушение универсального порядка и гармонии. Именно благодаря этому чувству страха зрители более глубоко осознавали собственные ошибки, а также свои обязательства и ответственность за все, что происходит с ними и вокруг них. Они проявляли искреннее соучастие и сочувствие к великим героям, к тем, кто умеет проходить

испытания с гораздо большим достоинством и благородством, чем они сами. Это было священное сострадание, благодаря которому зрители разделяли с персонажами добро и зло, радости и переживания. Они понимали, что каждое существо, начиная с богов и кончая человеком, переживает трудности и ситуации жизненного выбора, которые больше, чем всех остальных, мучают именно людей: это момент, когда приходится выбирать между человеческим и божественным. Зритель испытывал сострадание к персонажу и к самому себе, и в нем пробуждался удивительный процесс катарсиса, внутреннего очищения.

Актеры полностью жили инициатическим театром, каждый из них входил в роль так, словно она была создана для него. В течение представления актер несколько раз менял костюмы, маски, голос. Он играл разных персонажей одновременно. Роль мученика сменялась ролями женщины, старца, ребенка. Таким образом актер мог почувствовать, какими изменчивыми и относительными являются многие ситуации в жизни, как быстро они приходят и уходят, что значит родиться и что значит умереть. Он также мог почувствовать, как мало различаются между собой мужские и женские персонажи, состояние актера на сцене и зрителя перед ней.

Играя на сцене, человек жил многими жизнями на протяжении нескольких часов; за считанные минуты он проходил самые разнообразные этапы истории человечества. Если он был подлинным актером, то именно для него был создан инициатический театр.

Возвращаясь к театру нашего времени, можно сказать, что сегодня в его распоряжении находится многое из того, чего не существовало раньше, в том числе совершенные сценические и технические спецэффекты для воспроизведения перед зрителем самых разных обстоятельств и состояний. Но часто не хватает именно того древнего духа актера и духа зрителя, который позволял обоим жить тем, что происходит на сцене. Случается, что даже когда актеру удастся уловить дух своего персонажа, он оказывается неспособен передать его, зажечь им зрителя.

С другой стороны, как изменилось содержание театральных представлений с тех пор! Сегодня в театре мы часто смотрим сцены из повседневной жизни с ее мелкими интересами, нам приходится наблюдать за тем, как люди ссорятся, враждуют, уничтожают друг друга – сюжеты, ничем не отличающиеся от того, что можно прочесть в любой газете. Мы все с удовольствием участвуем в этой коллективной театральной психотерапии (столкновение со стрессами, их выведение «наружу»), но таким образом мы не открываем никаких новых дверей, никаких новых далей, не учимся ничему новому. Инициатический театр, каким его создавали в

древности, всегда ставил своей основной задачей научить чему-то, подтолкнуть к внутренним изменениям, трансформации. Профессор Ливрага, посвятивший одну из своих книг греческой трагедии, говорил, что инициатический театр никогда не был ни фарсом, ни чем-то искусственным. Он представлял собой живую реальность вне времени и пространства.

В своей жизни мы подвластны категориям и законам физического пространства и времени, оказывающим на нас давление, заставляющим совершать определенные, ограниченные действия за определенный временной интервал. В инициатическом театре, в этом прекрасном театре познания и ученичества, существовала абсолютная реальность, наполненная вечными ценностями, и человеку, погружавшемуся в нее, становилось совершенно не важно, какое пространство и какое время ему потребуется. Важна была та суть, которую он извлекал, то, что он узнавал и чему учился, тот живой внутренний опыт, который он уносил с собой.

Основная задача инициатического театра состояла в том, чтобы с каждого представления зрители выходили другими, немного более обогащенными в отношении человеческих качеств, понимания смысла существования. Но самое главное заключалось в том, что для этого не обязательно было испытывать «на собственной шкуре» все ситуации, события и противоречия реальной жизни.

Мы не можем говорить, что только древний инициатический театр преодолевал границы пространства и времени, так же как не можем призывать вернуться назад: категорий «назад» и «вперед» не существует. Мы можем предложить лишь вернуться к истокам инициатического театра, для того чтобы возродить его священные принципы и элементы, чтобы вновь, уже в другой форме, попытаться создать Театр жизни. Очень хочется возродить такой театр, в котором вновь стало бы возможно жить происходящим, а не просто наблюдать за ним, театр, в котором сидящие перед сценой магическим образом могли бы почувствовать себя одновременно и зрителями, и актерами, чтобы вернуться к глубинам собственной Души, к невидимой сути всего окружающего, как делали наши предки.

Откуда мы, кто мы, куда мы идем? В ответе на эти вопросы и заключается смысл инициатического театра.

Для того чтобы ответить на них, нужно, чтобы в душе каждого зрителя закрылось что-то старое и открылось нечто новое. Сегодня у нас нет инициатических театров, но несмотря на это мы также чувствуем потребность передать идеи, вечные ценности, принадлежащие человечеству всех времен и эпох. Ведь это то же самое человечество, которое живет

сегодня, и то же, которое будет жить завтра.

Почему бы не помечтать о том, что среди людей, живущих в наше время, могут найтись те, кто был бы готов возродить театр, чтобы вновь научиться жить, чтобы вновь кто-то научил нас жить? Верить в это хочется хотя бы потому, что, так или иначе, желая этого или нет, каждый из нас играет определенную роль в великом Театре жизни, театре вечном, поистине инициатическом.

Делия Стейнберг Гусман

СЕГОДНЯ Я УВИДЕЛА МУЗУ ИСТОРИИ

Много читая и мечтая вместе со старыми классиками, которых явно посещали и вдохновляли эти тонкие духовные сущности, я пришла в восхищение, созерцая женскую фигуру из гладко отполированного мрамора – образ Истории.

За совершенством формы, за блеском мрамора я попыталась увидеть тайну богини, управляющей представлениями о времени и истории на протяжении стольких веков.

Я хотела было подойти к ней и рассказать, что называют историей сегодня, но постеснялась рисовать столь жалкую картину. Я вдруг осознала, что нынче история свелась к серии рассказов из книжек, в той или иной степени извращенных и окрашенных идеологией каждой эпохи. Я осознала, что история перестала быть активной, действенной силой, она попала в зависимость от нескольких человек, держащих в руках ее нити и манипулирующих ими по своему вкусу и в собственных интересах, которые никогда не бывают ясными и чистыми. А сам образ музы вызвал в памяти знаменитый миф о пещере, который так хорошо изложил Платон: люди, скованные вместе цепью, сидят в глубине пещеры, а ее невидимые хозяева постоянно обещают свободу тем, кто осужден жить принимая за реальность тени на стенах. Скованные тенью и обманом люди вряд ли могут творить историю; если они и знают что-то о ней, то лишь ту часть, что преподносят им тайные хозяева пещеры.

При таком хаосе и смятении, при отсутствии возвышенных идеалов, объясняла я моей музе, история приобрела черты случайного, она утратила ритм, Закон, гармонию, критерии, замыслы и глубокие следы – то,

что необходимо для прогресса человечества.

Но я поняла, что моей музе чуждо понятие случайного. Она направляла значительные события, которые были отмечены печатью Необходимости, Закона и Действия. Она была музой Судьбы. Она вдохновляла людей, указывая им путь, по которому следует идти, путь, приводящий в добрую гавань.

Сегодня я увидела музу Истории, и она помогла мне заглянуть в таинство свободы воли, которая, казалось бы, противоположна предопределенности. Я открыла, что так называемые человеческие существа поистине являются людьми лишь в той мере, в какой их развитие идет в русле Великого Закона, Великой Судьбы. Иными словами, мы сталкиваемся с несомненной предопределенностью. Разве может быть так, чтобы Тот, Кто дал жизнь нам и оживил целые миры, не определил также направление развития для этих миров и для живущих в них существ?

И в чем же тогда заключается наша свобода воли, способность личного творчества?

В нашей воле сознательно выбирать верную дорогу, дорогу, которая нам предназначена. Как говорит муза Истории, у людей есть две возможности пойти по правильному пути. Либо это будет наше сознательное решение, и однажды мы узнаем и примем Закон; либо это произойдет принудительно, и мы, тысячу раз ошибаясь и страдая, в конце концов научимся избегать ошибок. Так ребенок, хотя и не понимает свойств обжегшего его огня, убегает от него.

Мраморные глаза музы были устремлены в будущее. В них я увидела, что, насколько бы мы ни утратили чувство истории, сколь долго ни прожили бы в глубине унылой пещеры материализма, сколь бы тысяч пустых и бессодержательных формул ни перепробовали, – страдание неизбежно толкнет нас на поиски того неосязаемого пути, который нам указывает взгляд музы.

Выбор (и в этом действительно проявляется свобода воли) состоит в том, чтобы выбрать верное направление, – как можно раньше и без боли, или позже, но с душой, истерзанной страданием.

Как бы то ни было, в конце пути ждет муза Истории, белоснежная и непреклонная, со спокойными мраморными глазами. Она ждет, чтобы протянуть руку тем, кто помогает творить грядущее, а не только созерцает его; ждет, чтобы всегда вдохновлять храбрых и решительных, главных действующих лиц Жизни, тех, кому известны начало и цель всего, а значит, и тот участок пути, который мы проходим сейчас.

Делия Стейнберг Гусман
СЕГОДНЯ Я УВИДЕЛА ЭВТЕРПУ,
СОВЕРШЕННЕЙШУЮ ИЗ МУЗ

Сегодня я увидела Эвтерпу, совершеннейшую из муз. Звуки ее флейты стали для нас символом музыки – науки муз, символом гармонии, венчающей союз наук и искусств.

Как и все мои необыкновенные видения, она предстала предо мной в чудесном сиянии. Я заметила, что ветер, проходя через полый ствол ее флейты, волшебным образом менял свои свойства. То, что прежде было хаотическим потоком воздуха, превращалось в гармоничные и чистые звуки, выстраиваясь в то особое повествование, которое мы, люди, называем мелодией.

Я вспомнила, как важно для музы умение подбирать и сочетать звуки, использовать не только их, но и тишину, являющуюся их фоном и сопровождением. Я вспомнила, что звук для музы – явление не случайное, и ей не все равно, как соединяются звуки между собой. Ведь от того, сумеем ли мы согласовать звуки друг с другом, зависит, что родится – гармония или диссонанс.

Платон, древний мудрец, столь же древний, как и сами музы, говорил о различных состояниях души, которые может вызывать у человека музыка, и в зависимости от этого делил музыку на положительно и отрицательно воздействующую. Положительно воздействующей он называл музыку, которая возвышает сердце человека, готовит его к великим свершениям, помогая почувствовать себя сильным и уверенным в себе, активным, счастливым и спокойным. Отрицательно воздействующая музыка, напротив, вызывает тоску и уныние, рождает страх и неуверенность, боязнь совершить ошибку, склонность к бездействию, инерции.

И вот парадокс: сегодня существует множество мест, отданных музыке, но при этом столько оскверненных храмов музыки, где поклоняются не Эвтерпе, а ее темной противоположности.

Если мы не будем брать в расчет исключения (ведь исключения только подтверждают правило), то увидим, что музыка перестала быть искусством, она уже не рождается по вдохновению. Она стала самым обыкновен-

венным предметом коммерции и полностью подчинилась моде, которая заставляет человека торговать своим талантом, портит его вкусы, не дает его душе пробудиться. И поэтому получается, что нужно следовать моде, ведь модный товар ценится выше, а чем больше тебе платят, тем лучше.

Звуки соединяются в рваном ритме, который вынуждает тело человека не танцевать, а кривляться. Ни тени гармонии нет в этих обезьяньих прыжках, а человеческий голос иногда можно принять за хрип умирающего зверя. Флейта Эвтерпы... бедная флейта, она уже не в состоянии выразить весь этот ужас. Ее сменили другие, экзотические инструменты. Однако в тысячу раз красивее звучит попадающий в них ветер, чем извлекаемая из них мелодия.

Но другой музыки сейчас нет, мы вынуждены слушать эту, и в конце концов – несмотря на полное отсутствие в ней красоты и гармонии – она начинает нам нравиться. Эти унылые, чувственные звуки, пробуждающие инстинкты и порождающие агрессивность, действуют отупляюще, особенно на молодежь. Все средства хороши для того, чтобы молодежь попусту растрчивала свою природную энергию... Если бы юноши и девушки росли в более естественной и гармоничной атмосфере – сколько лжи, сколько боли и лишений могли бы они избежать! Но Эвтерпе нет места в этом мире, она была изгнана... В это мгновение мое едва уловимое видение развеялось, испугавшись грохота, стука и шума, которые доносились до меня – и до нее тоже – из очередного «музыкального заведения».

Эвтерпа улетела, окутанная облаком вуалей и мелодий, извлекая из своей флейты чудесные звуки и в их ритме поднимаясь вверх.

Уйдя, муза оставила мне еще одну тайну. Ее флейта – полая, она позволяет ветру свободно проходить через себя; она лишь собирает его, изменяет и вновь от пускает на волю, превратив в музыку, которую может уловить наш слух. Эвтерпа тоже «полая», она чиста, как первые лучи утреннего солнца, а потому способна наполняться красотой и гармонией... А мы – какие мы? Несчастные тростинки, закупоренные глиной времени, покрытые мхом страстей и испорченные ржавчиной безволия...

Человеку нужно, как показала мне Эвтерпа, очиститься и открыться внутренне, тоже стать «полым», проявить свою наивысшую силу благодаря другой, идеальной силе. И тогда зазвучит его собственная флейта; тогда мир узнает гармонию – пока еще скрытую, – которую способен создавать Человек.

Спасибо тебе, Эвтерпа, за эту весть и за то, что позволила увидеть себя. Обещаю больше никогда не терять тебя из виду.

Делия Стейнберг Гусман

СЕГОДНЯ Я УВИДЕЛА ТАЛИЮ, МУЗУ КОМЕДИИ

Сегодня я увидела Талию, музу Комедии... Лицо ее озаряла едва заметная улыбка, и на мгновение мне показалось, что она смеется надо мной, над всеми нами, над нашей жизнью и нашими заботами, столь чуждыми тонкому душевному складу музы.

До крайности озабоченная повседневными проблемами, я попыталась отогнать это видение. Мне захотелось стереть из сознания этот изящный смеющийся образ – я подумала, что сейчас более уместны не веселье и комедия, а слезы и драма. Но мое желание немного запоздало, поскольку муза, среди прочих ее дарований, обладает способностью разъяснять сложное.

Я увидела ее и поняла, что если мы не «драматизируем» наше собственное существование, то начинаем жить в атмосфере комедии. Тогда все, что происходит, мы можем увидеть как бы со стороны, и это вызовет в нас самих ироническую улыбку или сострадание к тому, что обычно повергает нас в отчаяние.

Я вспомнила детство, свои старые игры. Тогда я считала, что с утра до вечера должна исполнять какую-то роль – как правило, важную и значительную; мне даже приходилось следить за своими словами и жестами, поскольку они казались немного утрированными в той обстановке, которая меня окружала. Но предполагалось, что когда-нибудь это представление закончится, тяжелый занавес наконец закроется, и я тоже смогу закрыть глаза и спать «по-настоящему», а не на воображаемой сцене. Тогда, в детстве, сама того не желая и не осознавая, я находилась ближе к Талии, чем сейчас. А сейчас мне понадобилось увидеть ее саму, чтобы суметь хоть немного понять ее тайну.

Да, жизнь – великая комедия. И мы даже не можем утверждать, что свободно выбираем себе роли и что можем их менять. Если беспристрастно окинуть взглядом историю, в большинстве ее важнейших событий мы сможем увидеть определенную неотвратимость, словно всеми этими событиями управляли какие-то невидимые нити, направляя их, по

доброй воле или вопреки ей, к кульминации представления. Во времена моей музыки эти невидимые нити назывались Судьбой и мудрые люди из всех сил стремились познать механизм их действия...

Да, жизнь – это комедия. Мы все, как и Талия, носим гротескную маску, которая на самом деле не смеется и не рыдает, а в зависимости от того, как мы на нее смотрим, изображает то радость, то печаль. Все мы скрываемся под этой маской, которая, вместо того чтобы выражать наше настроение, заботливо скрывает его, ведь никто – и даже мы сами – не должен знать, что в действительности происходит в нашей душе. Все мы играем в великой комедии, надеясь, что яркий антураж и заученность поз заменят уверенность в себе и зрелость, которых мы не сумели достичь.

Но эта комедия древней музыки – не средство забыться в смехе, не рецепт безответственности и даже не развлечение. Комедия – это школа жизни, и все, кто играют в ней, – то есть все мы – должны извлекать те уроки, которые постепенно приведут нас от антуража и внешних, материальных масок к глубокой, скрытой реальности души, которая проходит свой опыт в театре бытия.

Мы должны посмотреть на себя со стороны, как зрители, посмеяться над своими ошибками, почувствовать своим неисчислимым заблуждениям и в конце концов изобразить ужасную гримасу досады и иронии, которая свидетельствует о том, что мы познали самих себя, играя эти роли. И тогда мы поймем ценность комедии и улыбки. Тогда мы узнаем, что и на сцене, и в зрительном зале самое важное – быть хорошими актерами и хорошими зрителями, хорошими людьми, которые вполне осознают реальность, но готовы менять ее к лучшему, вкладывая в игру жизни все свои силы и способности.

Талия улыбается и учит нас... В руке у нее маска... Она сумела открыть нам свое истинное лицо, показать гармонию его черт. Она завершила театральное представление и приглашает нас последовать за ней по крутым путям совершенствования самих себя с улыбкой грусти и слезами радости.

Делия Стейнберг Гусман

СЕГОДНЯ Я УВИДЕЛА МЕЛЬПОМЕНУ, МУЗУ ТРАГЕДИИ

Сегодня я увидела Мельпомену, музу Трагедии. На протяжении истории человечества она вдохновляла артистов, была любима и внушала страх, отражала Жизнь и обвиняла.

Я увидела ее такой, какой ее всегда изображали: ниспадающая до пят туника, строгое и бесстрастное выражение лица, скипетр, кинжал и трагическая маска в руках. Скипетр делал ее абсолютной царицей бытия, повелительницей судеб, так или иначе влияющей на все события жизни. Застывшая гримаса ее маски напоминала нам всем о том, как много раз наши собственные лица исказились от боли. Эта маска странным образом соединила в себе все взгляды, все выражения человеческих лиц... И все они говорили о боли...

Кинжал же... по меньшей мере, он сулил возможность покончить с мраком, ложью и вынужденным страданием. Кинжал в руках всемогущей музы Трагедии обещал больше милости и надежд, нежели ее маска и скипетр.

Но видения этого мира неустойчивы и быстро тускнеют, как плохие зеркала... Само бытие, сама сущность Мельпомены затуманивает наше представление о ней. И первоначальный образ музы, явившийся мне, стал меняться, пока не сосредоточился полностью в чудесной маске, что была в ее руке.

Древние в таких случаях вспомнили бы о магии, я лишь говорю о том, что видела. На моих глазах маска ожила и перестала быть просто пустой оболочкой, соединявшей в себе лица всех людей. Внезапно она стала еще одним лицом, полным жизни, среди множества других лиц и начала кружить вместе с ними по улицам бурлящего города.

Но взгляд маски был испытующим. Ее глаза оставались пустыми и глубокими и из этой глубины безмолвно вопрошали: почему? зачем? И все опускали взгляд, а встречные сворачивали в сторону, лишь бы не столкнуться с этим немым вопросом в немых глазах, потому что никто из смертных не чувствовал себя в силах ответить на него. Рот маски изображал трагическую усмешку, да и как могло быть иначе? Это была насмешка каждого над самим собой, над своей никчемностью, своими нео-

существенными мечтами, своими страхами и сомнениями... И каждый отворачивался, стараясь скрыться от этой усмешки, но все равно не мог избежать ее, потому что с этого момента каждый в глубине души начинал усмехаться так же...

Я ждала, как жду всегда, что образ Мельпомены, облаченной в пепел, начнет понемногу таять среди чудных звуков былого. И ожидание было не напрасным. Мельпомена скрылась в густом тумане, окутывающем ее небесную обитель, но оставила мне образ, который уже не сотрется из памяти... Она оставила мне живую маску, трагедию Жизни.

Сегодня я увидела музу Трагедии, и отныне трагедия человеческой жизни всегда будет стоять перед моим взором. Сегодня я увидела Мельпомену и поняла, что ее образ вобрал в себя и воплотил все превратности, что выпадают нам на долю. Сегодня я узнала, что ее маска не украшение, не простой атрибут; это зеркало, в котором отражаются искаженные трагедией лица. Эта маска обвиняет, потому что показывает нам, какие мы на самом деле... И сегодня я знаю, что есть единственный способ изменить выражение лица человечества: проникнуть в мистирию жизни и ее трагедию, заменить сомнения убежденностью Веры, а боль невежества – улыбкой Мудрости.

Делия Стейнберг Гусман

СЕГОДНЯ Я УВИДЕЛА МУЗУ ТАНЦА

Сегодня я увидела музу Танца. Древние греки называли ее Терпсихорой, и уже в самом этом имени есть нечто от ритма и гармонии...

Но имя это уже никто не произносит, а этим искусством уже никто не занимается. В нашем мире признаки разрушения появились уже на всех уровнях, и трон музыки Танца оказался захвачен выродившимися формами движения и ритма, которые превратили танец в непристойное воплощение животных инстинктов.

Терпсихора не была выдумкой древних греков, а сам танец возник не ради развлечения и приятного времяпрепровождения. И муза и танец были результатом вдумчивого созерцания Природы, где все движется в согласии с законами, подчиняясь определенному ритму и определенному рисунку.

Чтобы постичь дух танца, достаточно окунуться в густую листву дерева и ощутить, как ветер колышет ее... Не отрываясь от ветвей, листья поют и танцуют, рождая симфонию зеленых оттенков, чарующую глаз и слух. Достаточно минуту посидеть у моря и отдаться неизменному ритму, в котором волны изящно накатываются на берег. Достаточно увидеть полет птицы или танец падающего листа, когда осенью приходит его час... Достаточно увидеть, как бегут в небе облака – будто танцуют, принимая тысячи фантастических форм. В конце концов, достаточно просто уметь читать ту открытую книгу, которую каждый день предлагает нам жизнь, но в которой мы ценим – да и то не всегда – лишь обложку.

Но если глаза не видят, тогда и тело не может танцевать. Тогда от нас остается лишь некий кусок материи (то, что мы называем телом), который мечется и корчится, словно в болезненных конвульсиях, а не движется в красивом ритме. Остается лишь существо, захваченное своими инстинктами, которое, не таясь, ищет прежде всего удовольствия и вовсе не испытывает томления духа по красоте. Если глаза не видят, тогда нет и звуков, чтобы сложить музыку... Если бы звуки были упорядочены и образовывали гармоничное сочетание, они пробудили бы в нашем теле согласованный и соразмерный отклик. Но нас окружает другая музыка – или неблагозвучная, резкая, агрессивная, или предательски слащавая и лицемерно сентиментальная, а тексты песен рассказывают либо о модных сексуальных отклонениях, либо о популярных политических тенденциях.

Однако все это – только маскировка, прикрытие. Истинное послание, подписывающее смертный приговор танцу, сохраняется в тайне: это призыв к торжеству материи, обещание ложной свободы, которую невозможно завоевать по той простой причине, что ее нет в нашем мире. Это призыв «делай что хочешь, пока это будет то, что хочу я». Это призыв «двигайся свободно», пока следуешь за навязанной тебе модой. Это означает принимать отвратительное за прекрасное; это означает безумно кружиться и скакать, закатив глаза, втаптывая в грязь само воспоминание о благородной Музе ритма и гармонии.

Среди всей этой фальши, среди стольких бессмысленных слов, в окружении молодежи, совсем не умеющей танцевать, разучившейся даже ходить грациозно, среди прыжков и судорог, среди неопрятных, вялых, неуклюжих тел я воззвала к Терпсихоре. Я звала ее, так тоскуя по ней, что во мне пробудилась сила, которая коренится в глубине души, вне всех видимых противоречий.

И она пришла ко мне, и каждое движение Музы, облаченной в тунику,

излучало грацию. Она шла сквозь время, и сама ее походка была танцем, а жесты ее были музыкой. Я думала, что муза умерла, но Прекрасное никогда не умирает... Я думала, что ее присутствия никто не замечает, но Подлинное всегда найдет себе дорогу...

Это было мимолетное видение, в этот миг время и пространство утратили свою пугающую безусловность, а мода съезжилась от стыда перед тем, что было, есть и будет всегда.

Муза Танца была среди нас лишь мгновение. Никто уже не знает ее имени, никто не помнит ее искусство, но она оставила тоску, запечатленную в тех бедных телах, которые, потеряв крылья, не умеют ни летать, ни ходить. Они способны только поднимать глаза вслед промелькнувшим видениям, в то время как их душа молится, чтобы видения эти стали реальностью.

Ведь душа умеет танцевать; она живет в каждом из нас – пленницей за теми решетками, которыми мы пожелали ее ограничить. Душу, охваченную трепетом, греки называли Терпсихорой, именем, обозначающим грацию и гармонию. А когда она в нас плачет, как нам ее называть?

Делия Стейнберг Гусман

СЕГОДНЯ Я УВИДЕЛА ЕЩЕ ОДНУ МУЗУ

Сегодня я увидела еще одну музу, одно из тех благородных созданий, что время от времени спускаются на иссохшую почву человечества, чтобы пролить на нее каплю своего вечного вдохновения. И посреди странного мира, в котором мы обитаем, мира бесплодного и измученного, я увидела нежную Эрато, царицу поэзии, духа лирики, источник любви...

Как это всегда бывает, сначала я обратила внимание на ее внешний облик, но потом погрузилась в ее образ, пытаюсь открыть смысл множества символов, сопровождавших ее. Я увидела ее простоту, скромность и мягкость, увидела ее чело, увенчанное розами. Складки ее одежды, ниспадая к стопам, казалось, пели гимн Гармонии. Я увидела ее лиру, и ее стрелу, и маленького Эрота, что вился у ее ног. Он хотя и был маленьким божеством, тоже искал поддержки музы, чтобы вернее попадать в сердца людей.

И вслед за этим видением мне явилась греза... Греза эта еще ярче обозначила пропасть между тем миром, откуда пришла муза, и тем, где сейчас пребываем мы. Нет ничего более далекого друг от друга, чем давние времена пламенного героизма и наше время трусости и злодеяний; нет ничего более далекого друг от друга, чем давно ушедшая эпоха поэзии и изысканных чувств и нынешнее шумное и полное инстинктивных страстей время. А те, кто сегодня жаждут добра и справедливости – того, что должно жить в глубине души каждого человека, – страдают еще и оттого, что должны скрывать и подавлять это стремление, молчать или плакать в одиночестве, ведь нынче подобные «слабости» не в моде...

И вот между наплывами боли пришла греза... Я услышала дивные стихи, почувствовала их мягкий ритм. В этих древних забытых словах, таких простых и чистых, не было бы смысла, не будь они наполнены чистотой и простотой... Я услышала лирические звуки, которые объединяют всю Природу в едином гимне красоте. А лира в руках музы нежными мелодиями сопровождала эти старинные поэмы о любви.

Тогда я увидела, как вновь ожил маленький Эрот. Прелестное божество не сводило взгляда со стрелы в руках у музы, а все вокруг постепенно приобретало более глубокие и насыщенные цвета. И снова – уже в который раз – я поняла, что Эрато воспевает возвышенную любовь, которая полностью исчезла из нашего времени и пространства. И я узнала, что муза уже не живет среди нас, потому что мало тех, кто хотел бы познать эту беспредельную любовь, любовь, которая если и опирается на тело, то для того, чтобы вознестись до тончайших сфер, к самым истокам жизни. И я почувствовала тоску по этим размеренным и благозвучным потокам, где поэзия обретает ритм, с которым пульсирует кровь, где слова кипят, как морская вода, и где наши чувства – основа небесных видений.

Прекрасная и целомудренная Эрато, твоя поэтичность не умерла со временем, твой древний миф не та ложь, которую нам твердят сегодня. Твое существование так же реально, как реальна непреодолимая потребность, которую люди испытывают в тебе. Но тебя постигла участь остальных твоих сестер: тебя никто не понимает из боязни понять; за тобой никто не следует, потому что очищаться от грязи материи – непомерно тяжелый труд. Мы боимся летать, как ты, петь, как ты, и чувствовать, как ты, потому что все это равносильно тому, чтобы жить с чистой, открытой и обнаженной душой. И потому теперь мы обнажаем тело, а душу прикрываем грязными лохмотьями... И потому мертва поэзия, потому постепенно умирают слова любви, потому мягкие и нежные жесты, свойственные твоему миру, заменены ударами и насмешками...

Но я увидела тебя, и я знаю, что ты существуешь... Хотя твое видение было мимолетным и всего лишь миг мне довелось быть рядом с тобой, с этого момента я со всем смирением смертного буду стараться продлить век твоей красоты и славы. Дозволь мне воспеть тебя, дай мне в руки лиру, наполни вдохновением мой голос и окружи меня своей нежностью. И сделай так, чтобы то, о чем я сегодня говорю, – сегодняшнее мое видение – стало реальностью для всех отчаявшихся и безгласных, что мечтают о тебе, сами того не зная.

Делия Стейнберг Гусман

СЕГОДНЯ Я УВИДЕЛА ПОЛИГИМНИЮ

Сегодня я увидела музу Полигимнию. Строго, торжественно пела она гимны на древних языках, которых нам уже никогда не понять.

В пустыне нашей повседневности эти удивительные размеренные звуки, напоминающие о порядке и мире, стали для меня живительным источником силы.

Греки называли ее Полигимнией, музой гимнов, священных песен, ритуальных танцев в честь богов... Изображая ее прекрасной, скромной, сдержанной, они скрывали под вуалью ее целомудренные черты, но открывали свои сердца для неиссякаемой мелодии веры, обращенной в музыку.

От Полигимнии греки узнали о силе гимна, о духовном спокойствии, даруемом религиозным чувством. И, сначала дав Полигимнии петь среди них, в один прекрасный день люди «вознесли» ее на небо, в обитель Бессмертных, чтобы она услаждала слух богов, – так как считали, что на земле ее уроки уже усвоены...

Но нет для нас ничего более далекого, чем муза религиозного ритма. Мы едва можем представить себе, что такое ритм. У религии осталось совсем немного укрепленных позиций, ее алтари захватила непристойная пошлость. Песни, танцы? Поэзия почти умерла, в песнях воспеваются только пыль на дорогах, а танец посвящен лишь разрушению человеческого тела, которое уже познало слабости, страхи и смерть... Гимны? Зачем? Кому возносить благодарственные строфы и к кому устремлять

надежды? Во имя чего стремиться укреплять свой дух и характер? Кто мечтает уверенно идти к звездам? Кто стремится к движению в пространстве по спирали, восходящей к трону Полигимнии?

Бедная муза, ты спустилась на землю и предстала перед жалкими и беспомощными людьми как мимолетное видение... Но нам следовало бы воспользоваться твоим появлением и возродить ритуалы, исполненные мистики и красоты...

Сейчас май, месяц Девы Марии, месяц цветов, раскрывающихся под лучами возродившегося солнца. Это месяц ароматов и теплых дуновений ветра, которые предвещают Вечную Жизнь вдали от зимних теней. В этом месяце мае мы постараемся сделать так, чтобы к нам вернулись строгая нежность твоей вуали и сдержанность твоего чистого взгляда, который созерцал только ангелов и богов.

В мае мы попытаемся соединить в гармонии наши голоса, чтобы петь старые песни, рассказывающие о человеке и его восходящем пути. Давайте исцелим наши тела с помощью гармонии и ритма танца.

В мае мы начнем следить за своими словами и жестами, будем больше улыбаться и держать под контролем свои импульсы, стремясь превратить каждое из наших движений в священное действие.

В этом месяце твое имя, Полигимния, станет новым обещанием чистоты и плодородия. Мы увидим тебя и в цветах, и в облаках, и в детях, и в птицах, и тогда мы постигнем искусство твоих древних гимнов. И тогда мы вновь начнем понимать тот утраченный язык, который понимают боги и который мы позабыли тогда, когда перестали молиться.

Молитва, обращение к Богу и песнопение; танец сдержанных шагов; ритм, гимн и радость; весна, вера и надежда. Все это увиделось мне, потому что сегодня я увидела Полигимнию.

Делия Стейнберг Гусман

СЕГОДНЯ Я УВИДЕЛА УРАНИЮ, МУЗУ ЗВЕЗДНОГО НЕБА

Сегодня я увидела Уранию, музу звезд, небесную музу. Для того чтобы увидеть ее, достаточно устремить вверх свой взгляд. Но сегодня так трудно суметь поднять глаза...

Сегодня мы, закрытые для высшего вдохновения, далеки от муз; мы научились целовать веревки и цепи, которые все больше и больше привязывают нас к земле. Именно поэтому мы постепенно забываем, что существует небо, а звезды сияют, несмотря на наше ослепление. Мы забываем, что правящие Вселенной священные законы продолжают неумолимо действовать, как бы ни пытались люди отменить этот математически точный порядок с помощью бумажных указов.

Сегодня я увидела Уранию. В руках она держала нашу Вселенную, движущуюся в согласии с Законами, эту огромную и невероятную Вселенную, где гармония выражается через числа, через движение, через циклы и через жизнь, которая продолжается всегда. В небесно-синем сиянии я увидела совершенный образ в окружении светил; из своего звездного мира муза указывала на тончайшие нити, которыми соединено все сущее в этом мире.

Далекая от абстракций, к которым нас приучила наука, я увидела, что звезды – это полные жизни существа. Я увидела, что, как мы, люди, нуждаемся в телах, чтобы учиться и общаться между собой, так и звезды приобретают свой опыт, облаченные в тела из света. Я увидела, что круговращение звезд похоже на то, как люди постоянно перемещаются из одного конца города в другой, чтобы исполнить свои ежедневные обязанности. Я увидела, что появление и исчезновение звезд подобно тому, что мы называем сном и бодрствованием. Я увидела, как звезды ищут свое Центральное Солнце и вращаются вокруг него, точно так же как человек обращается к Богу в постоянном поиске совершенства.

Я увидела и оценила глубину познаний древних: зная характер и особенности каждого небесного светила – живого существа, они связывали его с разными божествами, соединяя символы и значения в попытке синтеза, который помог бы человеку почувствовать себя частью Вселенной.

Глядя на Уранию, я почувствовала силу этих параллельных путей, которые ведут и людей и звезды к одной и той же Судьбе, каждого в меру его возможностей. Мы – темные, они – сияющие, но у нас одна и та же природа. Мы одинокие и отчаявшиеся, их сопровождает Урания, за которой они следуют по своим орбитам. Мы внизу, они наверху, но и мы, и они делаем усилия встретиться: они – посылая нам свое вечное сияние, а мы – учась поднимать глаза и замечать их присутствие в условленном месте ночного неба.

Когда закончится день и зайдет Солнце, когда отойдут на задний план заботы и хлопоты, которыми ты до сих пор был захвачен, друг мой читатель, подними глаза к ночному небу. Не позволяй темным тучам ввести тебя в заблуждение, за ними ты увидишь блеск покрывала Урании, усыпанного огоньками, которые пульсируют в том же ритме, что и твое сердце.

Ищи Уранию, и ты увидишь, что ты не одинок, что Вселенная, которую она тебе предлагает, бесконечна и за пределами человеческих страданий есть обещание величественной вечности – в том мире, где мерцают наши звездные братья, которые, сделав шаг вперед по Пути Жизни, научились обращать мрак в свет, преходящее в вечное. Ты видишь ее? Именно потому, что ты поднял свои глаза, Она опустила к тебе свои и звездой гораздо более яркой указывает на твою собственную звезду.

Делия Стейнберг Гусман

СЕГОДНЯ Я УВИДЕЛА КАЛЛИОПУ

Сегодня я увидела Каллиопу... Древние называли ее музой эпической поэзии, и у них были на то основания. Уже само ее имя хранит скрытый ритм движения горячих боевых коней, несущих на своих спинах славных рыцарей.

Как хорошо порой позволить появляться этим таинственным и далеким образам! Такие видения становятся зеркалами, позволяющими нам сравнивать отражения миров прошлого с явлениями современности.

Хотя я тысячу раз пыталась повторять себе, что фраза «раньше все было лучше» не обязательно верна, подтверждения от жизни я так и не получила.

Я выходила на улицу, говорила с людьми, листала книгу за книгой... Но так и не нашла Каллиопу ни в одной из сфер современной жизни. Тогда я подумала, что, может быть, существует иная Каллиопа, в современных одеждах, которую мои глаза просто не замечают. Но и в новых формах я все равно не услышала доносящийся из древности стук копыт боевых коней, несущих своих всадников.

И именно тогда я подняла глаза и в разноцветных облаках воображения увидела Каллиопу. Ее спокойное лицо выражало твердость, воинскую силу, внутреннюю уверенность, прозрачность души, озаренной светом отваги. Ее голос... Ее голос был подобен звуку бронзовых труб, что сопровождает шествие героев. Ее глаза напоминали сияющие солнца, в которых отражался блеск мечей, щитов, шлемов всех тех, кто отдал свою жизнь за Идеал.

Ее туника развевалась на ветру, ветер же этот создавало движение отрядов доблестных рыцарей справедливости, странствующих по миру в попытках помочь свету победить тьму.

Ее проявления были многообразны. То в какой-то миг я узнала в ней самих валькирий, что уносили с поля битвы души воинов. То я увидела ее в образе лодочника, который напевал нежные, чарующие мелодии под взмахи своего весла, переправляя через Стикс победоносные души. То она предстала могущественным ангелом, который поэтическими строфами взывал ко всем заснувшим в бессилии и упадке материи...

Ах, древние рыцари... Может, и правда, что у них были свои недостатки. Но все это осталось в далеком прошлом... Может, и правда, что они чувствовали и думали почти так же, как нынешние люди... Но у них было и нечто иное: искра красоты, капля гармонии, толика благородства, много отваги и достоинства, немного честолюбия и властности и бесконечная способность к самопожертвованию. Поэтому у рыцарей древности была муза, певшая для них с небес, а сегодня слышится лишь хруст камней на дороге под ногами печального и безвольного человека. К жизни он относится потребительски, и к нему относятся так же; ему не хватает воображения, поэзии, отваги и мужества.

Сегодня я увидела Каллиопу, но прежде смогла услышать ее.

Мне удалось услышать проникновенный ритм ее поэмы, сотканной из самой жизни. Мне удалось почувствовать ее могучую энергию, которая прошла через все мое существо, призывая выйти из печальной темницы

времени, чтобы по-рыцарски, лицом к лицу встретить опасности жизни.

Меня уже не удручало отсутствие поэзии, меня не огорчали глупые рифмы, составленные из самых нелепых слов. Мне уже не казалось утомительным повседневное существование. Каллиопа была здесь, она пела голосом победы, прекраснейшим голосом духовного порыва.

Насколько плохо видела я вначале! Мне казалось тогда, что это лишь мое воображение нарисовало передо мной тонкие черты музыки. Однако, она в самом деле была здесь, более яркая, чем созданный мной бледный образ, более сильная, чем мои слова, более величественная, чем все люди вместе взятые. Голосом, подобным звукам труб, воспевала она божественный триумф тех, кто во имя чести сумел оседлать крылатую Немолимую Судьбу.

Слушайте! Она продолжает взывать к людям! Ее поэзия нескончаема, как само время... Она воспевает добродетель и красоту... Кто отправится вместе со мной в ее царство?

Делия Стейнберг Гусман

СЕГОДНЯ Я УВИДЕЛА МУЗЫКУ...

Сегодня я увидела Музыку... Конечно, правильнее было бы сказать «услышала», но ведь иногда, в особых случаях нам удается увидеть и то, что недоступно нашим глазам.

Поэтому, столько лет прожив рядом с ней, так давно наслаждаясь ее красотой, так давно считая ее своей верной подружкой, я наконец «увидела» ее сегодня.

В молодости легко отдаваться на волю чувств, которые пробуждает в нас музыка, легко давать унести себя и парить среди бог знает каких экзотических миров, легко позволить улыбкам и слезам появляться почти без видимой причины, в ответ лишь на звуки. Но проходит несколько лет, и мы перестаем довольствоваться одними эмоциями. Мы начинаем мучиться вопросами, идущими из самой глубины нашего существа, где дремлет подлинный Человек, который дает о себе знать лишь иногда. И Музыка, когда-то просто вызывавшая разнообразные чувства, теперь становится некой реальностью, которая дает ответ на наши вопросы.

Сегодня, как искру, как вспышку, я увидела ту музыку, что все еще продолжает жить вокруг, пробиваясь сквозь оглушительный шум города. Сегодня я увидела, как все вокруг вибрирует и трепещет, издавая звуки, не всегда понятные нашему уху. И я поняла, что не стоит надолго задерживаться в обманчивых объятиях повседневности, нужно искать дальше, глубже, чтобы добраться до самого сердца Музыки. А сердце Музыки – это Гармония, и по ее законам строится все проявленное.

Когда нам хоть на мгновение удается скрыться от рутины материальной жизни со всеми ее мелочами, нашим глазам открывается необъятная Вселенная, которую мы ощущаем как непостижимую, но все же не чуждую нам. Что прежде всего привлекает наше внимание? Порядок, нерушимая гармония, проявляющаяся во всем сущем, непрестанный ритм, в котором циклы возобновляются вновь и вновь... Это и есть Музыка. В ней обретают новую силу слова древних о «гармонии сфер». И мы действительно начинаем понимать, что за шумом нашего бытия есть другие, прекрасные звуки, которые незримыми нитями соединяют все формы жизни. Мы начинаем понимать, что Музыка, достигающая нашего слуха, – всего лишь отголосок, всего лишь тень (но тень, не становящаяся менее прекрасной из-за несовершенства наших органов чувств) иной, Космической Музыки, которая, возможно, будет звучать в пространстве бесконечно.

Сегодня я увидела Музыку и поняла, в чем ее великая тайна. Музыка не создается людьми. Во всяком случае, это не произведение ослепленных, закованных в цепи материи смертных... Она приходит издалека и позволяет услышать себя гениям, которые в порыве вдохновения способны вознестись в обитель Гармонии. Эти счастливицы – но счастливы ли они на самом деле? – поднимаются в высшие сферы, а потом с отчаянной поспешностью пытаются перевести в нотную запись или на язык аккордов своего инструмента то, что так ослепительно ясно восприняли там.

А нам... нам остается слушать и смотреть. Нам остается открыть эту волшебную дверь, которая некогда была тайной, а сегодня указывает нам путь к Музыке. Звуки не умирают, не растворяются в воздухе, не замирают со временем: достаточно лишь захотеть увидеть, как они танцуют в бесконечности пространства, тысячекратным эхом отдаваясь в нашей памяти. Это Гармония взывает к их истокам. Это сама Музыка является нам.

Хочешь ли ты увидеть ее? Многие композиторы создавали ее для тебя... Многие исполнители выразили ее суть в прекрасных звуках. И если бы мы впустили эту Гармонию в самую глубину нашего «Я», мно-

жество печалей наверняка исчезли бы оттуда как по волшебству: вселенский ритм навел бы порядок в нашей микровселенной, которую называют «человеком».

Делия Стейнберг Гусман
ИСПОЛНИТЕЛИ (ФРАГМЕНТ)

XX век был веком музыкальных исполнителей. Веком выдающихся дирижеров, инструменталистов высокого класса, певцов, артистов балета, чьих высот трудно будет достичь, по крайней мере, в обозримом будущем. Конечно, есть сегодня – и будут завтра – люди весьма замечательные и талантливые, которых даже занесли в список гениев, но почти на каждом из них оставило и будет оставлять печать то, что сегодня считают «гениальностью»: блестящая техника и отсутствие души.

А душа – это, ни больше, ни меньше, секрет исполнительского мастерства.

Слишком длинным оказался бы полный список тех, кто выделяется в этой области. Обращаясь к прошлому, я просто вспоминаю имена, необыкновенные концерты, мгновения возвышенных эстетических переживаний, вспоминаю чудесных исполнителей, большинства из которых уже нет в живых. Стоит мне только подумать, что их нет среди нас, и я чувствую невосполнимую утрату и по-человечески мне трудно избежать мыслей о смерти. Взяв себя в руки, я понимаю, что благодаря современным технологиям они продолжают жить среди нас: есть записи, диски, фильмы, и мы можем снова увидеть и услышать то, что, казалось, исчезло безвозвратно. Я знаю, это всего лишь визуальные и звуковые образы, но, с другой стороны, по словам Платона, мы всегда живем опираясь на образы реального мира.

Кто такой исполнитель?

Говорят, это «посредник», тот, кто воссоздает произведение искусства, сочиненное кем-то другим, и доносит его до публики. Исполнитель не творец, но он обладает великой способностью столь глубоко постигать замысел творца, что его произведение снова предстает во всей своей чистоте, силе и величии.

Исполнитель может передавать. А передавать можно только с Душой.

Техника, безусловно, важна и необходима, но между воспроизведением творения искусства и передачей его существует большое различие. Воспроизведение – это техника, а передача содержит в себе живое послание.

Исполнитель, так же как и автор, соприкасается с Идеей, в данном случае с Идеей Эстетической. Исполняя произведение, он забывает о себе и превращается в эту Идею в действии: он живет ею и передает то, что ощутил, пережил, понял художник-творец.

Такой исполнитель был маяком в XX веке. Каплей Света и Красоты в той тьме, которая еще и сейчас нас окружает и которая является закономерным следствием произошедшего.

Может быть, бедствия, ужасы и катастрофы вызвали появление этих особых людей для особых времен.

Когда все вокруг черно, трудно стать подлинным творцом, художником. И потому столь редко – по крайней мере, так думаю я – в этом веке появляются гениальные авторы. Но исполнение, передача – это утешение и отрада для тех, кто ее ищет, и для тех, кто ею наслаждается. Это связь между небом и землей. Нет необходимости создавать что-то новое; надо лишь вновь донести до наших чувств те произведения, которые причастны тайне Прекрасного.

Сегодня, когда мы уже начали говорить о XX веке в прошедшем времени, когда мы считаем, что уже открыли двери в новую историю, я хочу отдать дань уважения этим особенным героям – исполнителям. Тем, кто посвятил свою жизнь постижению шедевров искусства и их авторов, тем, кто тщательно оттачивал свою технику и поставил ее на службу передаче глубоких переживаний сердца, способных взволновать души слушателей.

Делия Стейнберг Гусман

ЧТО ТАКОЕ ВДОХНОВЕНИЕ?

Этот вопрос мы задаем себе, когда видим подлинные шедевры, те гениальные творения, которые создают люди, ведомые, кажется, какой-то особой силой, явно превосходящей силу самих творцов. Какая магическая искра побуждает их к действию? Какие невероятные потоки подхватывают их?

Тот же вопрос не дает покоя и нам, когда мы жаждем выразить лучшие наши чувства и мысли, но не знаем, как это сделать. И тот же вопрос встает тогда, когда мы чувствуем себя опустошенными, как мешок из кожи и костей, без малейших мыслей и эмоций.

И тогда мы вспоминаем великих творцов, которые смогли ценой большого труда приоткрыть тайну вдохновения, соприкоснуться с ним. Можно ли считать, что между человеком и миром идей существует какой-то мост, который может помочь установить ту связь, которую мы называем вдохновением? А возможно, существует не один-единственный мост, не единственная связь между ним и нами. Ведь если бы он был один, то те, кто прошел по этому мосту, могли бы рассказать нам, как они это сделали и куда дошли. Возможно, каждый человек должен создать свои собственные узы с миром идей, найти свой собственный способ, и в этом заключена тайна пробуждения вдохновения.

Более того, боюсь, что во всем этом очень малую роль играет рациональный ум, который мы считаем главным отличительным признаком человека. Опыт показывает, что чем больше мы делаем ставку на разум, тем дальше уходим от вдохновения.

Древние мудрецы говорили, что секрет в том, чтобы стать полым тростником... и дать возможность интуиции наполнять его, проходить через него. И тогда происходит чудо: мы остаемся «пустыми», «полыми», но нас начинают переполнять образы, множество образов, которые заставляют нас действовать чрезвычайно быстро. Все то, что в это мгновение не будет сказано, нарисовано, записано или создано, утратится бесповоротно. Все эти творения, по сути, не являются нашими соб-

ственными, кто-то или что-то дает их нам, а наша задача – уловить их и передать. Это момент экстаза, контакта с миром, который абсолютно не похож на наш – он гораздо тоньше, красивее, совершеннее нашего во всех смыслах. Это похоже на использование приемника очень тонкой настройки, принципа работы которого мы не знаем и управлять которым не умеем. Мы можем лишь использовать его тогда, когда он включается сам.

Мы располагаем различными описаниями, в большей или меньшей степени навеянными вдохновением, которые дают нам ключ к разгадке. Если и есть какая-то связь между нашими личными вибрациями и тем миром совершенных идей, до которого мы хотим дотянуться, контакт устанавливается только в том случае, когда мы этого действительно хотим. От нас зависит подпитывание этих потоков, созвучных тому доброму и прекрасному, которое мы хотим уловить и передать. Открыть врата вдохновения – в наших силах.

И когда мы снова зададимся вопросом, что такое вдохновение, то, может быть, и не получим точного ответа, но испытаем необычное ощущение – будто нас коснулось чудесное сияние, пришедшее оттуда, где нет времени и пространства, из вечного источника, из которого все мы мечтаем когда-нибудь испытать.

СОДЕРЖАНИЕ

Шри Рам

Красота и искусство..... 2

Делия Стейнберг Гусман

Искусство и художник..... 6

Инициативный театр..... 10

Сегодня я увидела музу Истории..... 22

Сегодня я увидела Эвтерпу, совершеннейшую из муз..... 24

Сегодня я увидела Талию, музу Комедии..... 26

Сегодня я увидела Мельпомену, музу Трагедии..... 28

Сегодня я увидела музу Танца..... 29

Сегодня я увидела еще одну музу..... 31

Сегодня я увидела Полигимнию..... 33

Сегодня я увидела Уранию, музу звездного неба..... 35

Сегодня я увидела Каллиопу..... 36

Сегодня я увидела Музыку... .. 38

Исполнители (фрагмент)..... 40

Что такое вдохновение? 42

